

Петрунина Ж. В., Шушарина Г. А., Чебанюк Т. А.
Z. V. Petrunina, G. A. Shusharina, T. A. Chebanuk

**К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ**

**TO THE PROBLEM OF THE NATIONAL RUSSIAN IDENTITY TRANSFORMATION
IN NORTH-EAST CHINA**

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zhanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор-консультант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Tatyana A. Chebanyuk – Doctor of Culture Studies, Professor, Professor-Consultant, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27; tel. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. В работе на примере истории деревни Сяодинцзы рассмотрены исторические основы формирования российской диаспоры в Китае, повлекшие за собой трансформацию русской национальной идентичности. Авторы отмечают, что перемещение подданных России и Китая через Амур во второй половине XIX в. было обусловлено преимущественно социально-экономическими и военными факторами, а в начале XX в. происходило и под влиянием революционных потрясений в каждой из стран. В результате на приграничных территориях Китая стали появляться населённые пункты компактного проживания русских. В статье подчёркивается, что сохранить собственную национальную идентичность не удалось, поскольку эмигрировавшие русские постепенно восприняли китайскую культуру и стали «китайскими русскими».

Summary. Using the example of the history of Xiaodingzi village, the authors examine historical foundations for the formation of the Russian diaspora in China, which led to the transformation of Russian national identity. The authors note that the movement of subjects of Russia and China across the Amur in the 2nd half of the 19th century was mainly due to socio-economic and military factors, and at the beginning of the 20th century the transformation occurred under the influence of revolutionary upheavals in each of the countries. As a result, settlements with compact Russian population began to appear in the border areas of China. The article emphasizes that it was not possible to preserve their own national identity, since the Russians who emigrated gradually adopted Chinese culture and became «Chinese Russians».

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо-Восток Китая, Маньчжурия, идентичность, российско-китайское приграничье.

Key words: Russian Far East, Northeast China, Manchuria, identity, Russian-Chinese border area.

В начале XXI в. возрос интерес к идентичности как культурной проблеме и обнаружилась необходимость её изучения в контексте межкультурных отношений. В настоящее время в концептуализации идентичности, на наш взгляд, представлено несколько подходов, среди которых основным является конструктивистский. Несмотря на критику, в отмеченном направлении развития теории идентичности есть рациональное зерно, которое может осовременить взгляды на идентичность и придать новый импульс исследованиям указанной категории. Так, важными для настоящего исследования в концепции конструктивизма являются положения о конструировании идентичности, её сознательном оформлении. По мнению представителей конструктивистской теории идентичности, человек формирует чувство собственной идентичности в постоянном взаимодействии со средой, в том числе через межкультурные контакты, в результате чего можно фиксировать определённую трансформацию идентичности, трансформацию чувства самого себя. Рассуждая о влиянии межкультурного общения на трансформацию идентичности, канадский психолог Дж. Берри считает, что общение разных народов происходит на основе психологической аккумуляции, позволяющей сохранить собственную культурную уникальность. При этом в результате аккумуляции у контактирующих групп и индивидов появляются новые культурные черты, происходит взаимное культурное обогащение [10]. В модели межкультурного восприятия, предложенной американским социологом М. Беннетом, установлены определённые этапы формирования психологической аккумуляции, или в терминах М. Беннета «межкультурной чуткости», через которые проходит человек при осознании культурных различий. Первый этап заключается в том, что человек не осознаёт само существование межкультурных различий. На следующем этапе происходит осознание того, что своя культура – это один из возможных взглядов на мир, человек понимает, что он может стать частью другой, ещё одной культуры, на этом этапе начинает формироваться межкультурная чуткость. На заключительном этапе происходит «формирование нового типа личности, сознательно отбирающей и интегрирующей элементы разных культур» [9]. Проиллюстрируем сказанное на примере российско-китайских контактов, которые складывались под влиянием разных факторов в течение почти четырёх веков и оказывали влияние на взаимодействие обоих государств на разных уровнях.

Активизация контактов между подданными России и Китая началась после заключения Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров.

В середине XIX в. социальный и национальный состав жителей Приамурья был разнообразным: наряду с местными народностями (даурами, эвенками, гиляками) здесь проживали казаки, старообрядцы, украинские переселенцы, китайские торговцы, корейцы, а также беглые каторжники и авантюристы всех национальностей. После заключения отмеченных российско-китайских соглашений в регионе увеличилось число русских. Жителей Приамурья объединяло стремление выжить в сложных природно-климатических условиях. При этом совместная хозяйственная деятельность способствовала постепенному знакомству соседствующих народов друг с другом. Река Амур, с одной стороны, стала пограничным рубежом, разделившим земли России и Китая, а с другой – территорией, на которой народы, представлявшие разные культуры, объединились.

Перемещение подданных России и Китая через Амур во второй половине XIX в. было обусловлено преимущественно социально-экономическими обстоятельствами [7], военными факторами, а в начале XX в. происходило и под влиянием революционных потрясений в каждой из стран [6]. Увеличение числа русских на территории Китая стало заметным с конца XIX в., когда Россия приступила к строительству Китайско-Восточной железной дороги. На годы после Великой русской революции 1917 г. пришёлся пик эмиграции, что позволило специалистам говорить о диаспорах Харбина и Пекина. Постепенно на территориях Приамурья и Маньчжурии стали закрепляться народы, иммигрировавшие из России и Китая, которые, являясь носителями своей национальной культуры, усвоили элементы бытовой, обрядной и хозяйственной жизни местных жителей. В 1934 г. в Синьцзяне состоялся первый народный съезд, на котором присутствовали

русские, присоединившиеся к китайской национальности в качестве «натурализованных людей», переименованных в русских после основания Нового Китая в 1949 г.

Эмиграция из России в Китай имеет вековую историю. В настоящее время российскую «диаспору» в Китае условно принято делить на две группы. Первая группа (историческая) представлена китайцами – китайскими русскими, которые сформировались под влиянием смешения трёх этнических групп – российских эмигрантов (чистокровные русские), китайцев и потомков их смешанных браков [8]. Они воспринимают Китай как новую родину. Вторая группа (современная) – «яппи» (young professionals), качественно иная прослойка людей, включающая полезных Китаю мигрантов, значительную часть которой составляют молодые профессионалы в возрасте до 35 лет, владеющие китайским, английским и другими языками, и русскоязычные студенты китайских вузов, специализирующиеся в IT-сфере, авиации, строительстве, медицине [3, 32]. Указанные группы имеют возрастные различия, отличаются по численности и месту проживания. В условиях глобализирующегося мира представители второй группы рассматривают Китай в качестве места возможного получения дохода, стремятся найти работу и жить в крупных городах КНР (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу). Испытывая влияние разных культур, они не ставят перед собой задачу сохранения и трансляции русских традиций в Китае, в то время как представителям первой группы на протяжении века удаётся сохранить традиции, полученные ими в России.

В настоящее время русское население рассредоточено проживает в районах Или, Тачэн и Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района, в районе Ээргуна Автономного района Внутренняя Монголия и на севере провинции Хэйлунцзян. Общая численность русских в Китае на 2021 г. составила 16 136 человек, в том числе 7615 мужчин и 8521 женщин. Им удалось сохранить традиционную культуру, русские национальные обычаи, язык и письменность. При этом в повседневном общении эти русские говорят и пишут по-китайски [5].

Одним из центров российско-китайского взаимодействия была и остаётся территория реки Амур. В настоящее время крупным центром, в котором из 900 жителей почти половина русские, является деревня Сяодинцзы, расположенная на севере провинции Хэйлунцзян, на левом берегу Амура напротив посёлка Поярково Амурской области, в 12,5 км к востоку от городской зоны уезда Сюнькэ. В XIX в. русские и китайцы в этом районе вели активную торговлю.

К началу XX в. в приграничных населённых пунктах обеих государств стали появляться смешанные семьи. Одной из причин, оказавших влияние на этот процесс, стали военные действия, развернувшиеся на Дальнем Востоке в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Массовая гибель мужчин на фронте приводила к тому, что во многих посёлках и деревнях российского региона в то время оставались только женщины и инвалиды. В деревне Сяодинцзы, отдалённой от военных очагов, было больше мужчин. Некоторые русские девушки в надежде скрыться от военного хаоса и найти женское счастье переезжали в деревню Сяодинцзы, где выходили замуж за китайцев – выходцев из северо-восточных провинций страны [2]. Частыми были и ситуации, когда родители продавали своих дочерей китайским купцам, торговавшим в Благовещенске, и китайцы с русскими жёнами возвращались из России в Сяодинцзы продолжать там свой бизнес [1, 16-17].

Переехавшие из России в 1920 – 1930-х гг. получали китайское гражданство. Ситуация претерпела изменения, когда в связи с ухудшением отношений между СССР и КНР в 1960-х гг. многим бывшим советским подданным было отказано в получении китайского гражданства. С того времени большинство русских в деревне Сяодинцзы не смогло стать китайскими гражданами, оставаясь чужаками в юридическом плане, и своими – в культурном.

Первое время жители отмечали русские и китайские праздники, готовили национальные блюда, поддерживали религиозные правила. Со сменой поколений традиции сохранились, однако масштабных мероприятий становилось меньше. Молодые жители деревни предпочитали праздновать русские праздники в кругу семьи. Сохраняя бытовые привычки, заложенные русскими родителями, они стали выезжать в крупные деревни, чтобы отметить китайские праздники. Это свидетельствует о постепенном формировании принадлежности к китайской культуре, которая в процессе реализации политики «реформ и открытости» интегрируется с другими национальными культурами и переживает процесс модернизации традиций [4, 50].

Таким образом, на рассматриваемых территориях невозможно фиксировать процессы культурной инкапсуляции, означающей функционирование локальных национальных сообществ внутри общества с целью сохранения и консервации культурных традиций. Происходит постепенное интегрирование русских в социокультурное пространство Китая.

В конце 2003 г. приграничная деревня (бывшая деревня Сяодинцзы) была переименована в пограничную деревню этнических русских и стала первой в Китае русской деревней [2], в которой в XXI в. под влиянием туризма стали восстанавливаться исторические начала.

К началу 2020-х гг. этнические русские почти выродились в Китае. После ста лет ассимиляции у «китайских русских» сформировались свои национальные особенности. Основываясь на русских традициях и обычаях (например, использование продуктов и рецептов, характерных для русской кухни, строительство домов, построенных в русском стиле), которые передались от старших поколений, они следуют национальной специфике Китая. Их внешний вид, обычаи и стиль поведения стали заметно отличаться от «русских русских», поскольку на протяжении полутора веков они принимали участие в жизни Китая и смогли стать неотъемлемой частью китайской нации. Таким образом, интенсивные межкультурные контакты русских и китайцев не только способствовали культурному сближению между народами через диалог, но и привели к пересмотру и отказу от некоторых традиционных ценностей собственной культуры, в конечном счёте – к трансформации собственной национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. КНАГА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 5. Анкета. Димитрюк Владен Калинович.
2. Китайская родина русских – деревня Сяодинцзы в уезде Сюнькэ // Жэньминь жибао он-лайн, 09.01.2013. – URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8084587.html> (дата обращения: 15.07.2022). – Текст: электронный.
3. Макаревская, Н. Ю. Русская «диаспора» в Китае и её национальная идентичность как значимый фактор в развитии отношений между странами на современном этапе / Н. Ю. Макаревская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 31-36.
4. Мусалитина, Е. А. Влияние глобализации на трансформацию китайской национальной культуры / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VIII-2 (48). – С. 47-51.
5. Национальные меньшинства Китая: русские // Жэньминь жибао он-лайн, 10.04.2008. – URL: <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html> (дата обращения: 15.07.2022). – Текст: электронный.
6. Петрунина, Ж. В. Экономическое измерение социокультурного наследия Русского Харбина начала XX в.: опыт, который следует изучать / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 27-31.
7. Петрунина, Ж. В. Желтугинский вопрос как отражение российско-китайского взаимодействия в конце XIX в. / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина, Р. А. Громов // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 296-306.
8. Тарасов, А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае / А. П. Тарасов // Синология.Ру. – URL: <https://www.synologia.ru/> (дата обращения: 15.07.2022). – Текст: электронный.
9. Bennett, J. M. Developing Intercultural Sensitivity. An integrative Approach to Global and Domestic Diversity / J. M. Bennett. Handbook of Intercultural Training. Sage Publications. 2004. P. 147-165.
10. Berry, J. W., Kalin, R. (1995). Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey / J. W. Berry, R. Kalin // Canadian Journal of Behavioural Science. 1995. № 27. P. 301-320. doi.org/10.1037/0008-400X.27.3.301.